

Марина
СЕРОВА

*Вся жизнь
перед глазами*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Вся жизнь перед глазами
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6189519

*Серова М. С. Вся жизнь перед глазами : роман : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66851-9*

Аннотация

Валерия до последнего надеялась, что Игорь вот-вот вернется домой. Однажды успешный бизнесмен Игорь Минаев не пришел с работы, не позвонил и не оставил своей гражданской жене даже записки... Уютная двухкомнатная квартира, налаженная личная жизнь, удачные бизнес-проекты – не мог же Минаев все это бросить и сбежать в неизвестном направлении... Найти исчезнувшего мужа Валерия попросила частного детектива Татьяну Иванову. Той необходимо выйти на след Игоря как можно скорее: неизвестные бандиты уже наведались к подчиненному Минаева, Петру Строгачеву. Жестоко избив парня, они вежливо поинтересовались, не знает ли он, куда это скрылся его начальник? Ситуация явно пахнет криминалом!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	35
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марина Серова

Вся жизнь перед глазами

Пролог

На фоне обильного снегопада волосы журналиста блестели и выглядели, можно сказать, гламурно. Повинуясь неписаным правилам эфира, он стоял перед камерой с непокрытой головой, не обращая внимания на зимние природные катаклизмы. Лицо его, с одной стороны, имело серьезное выражение, с другой – почти восторженное. Он сообщал телезрителям области радостную для большинства граждан весть – только что на взятке поймали коррупционера, одного из крупных чиновников администрации с миллионом жителей города, более того – региональной столицы. Это событие преподносилось в радостном ключе – мол, объявленная властью борьба со злом – внутри нее самой – наконец-то даст плоды! Разумеется, простой обыватель не знал, что событие это могло являться лишь следствием неправильного поведения чиновника, нарушения им особой корпоративной, или, как бы это смешно ни звучало, «коррупционной» этики. Или, по-другому говоря, нарушения правил игры. И поймали его на взятке потому, что кто-то захотел оказаться на его месте и традицию «откатов» и «заносов» продолжить. Толь-

ко с направлением денежных средств в другой карман. Журналист же просто освещал это событие, получая за свою работу десятую, а то и пятидесятую долю от того, что ежемесячно попадает в такой карман.

– Сегодня сотрудниками ОБЭП было проведено оперативно-следственное мероприятие в помещении городской администрации, в результате которого с поличным был задержан начальник отдела... – бодро тарабанил симпатичный мужчина лет тридцати в микрофон с логотипом местной телекомпании.

На экране появились вооруженные люди в масках, стоявшие в кабинете высокого должностного лица, и один человек в штатском, чье лицо было заретушировано.

– Это что за конверт? – спрашивал он у сидевшего на своем рабочем месте чиновника каким-то неестественным голосом.

– Я не знаю, – довольно-таки уверенно отвечал ему чиновник. – Это не мое. Также хочу официально заявить, что буду разговаривать только в присутствии моего адвоката.

После этого человек в штатском предъявил перед камерой содержимое конверта – внутри оказались зеленые банкноты Федерального казначейства США. Оперативник доходчиво объяснил, что деньги меченые – действительно, на них каким-то особым способом, видимо с помощью специального состава, просвечивалось слово «ВЗЯТКА». Камера выхватила лицо чиновника: оно было абсолютно непроницаемым,

почти каменным.

На экранах вновь на фоне российского флага, развевавшегося перед входом в официальное учреждение, появился облепленный снегом журналист.

– Это весьма громкое разоблачение в сфере коррупции в нашем городе, думается, заставит других чиновников, промышленяющих подобным образом и превратившим свои должности в хорошо, как им кажется, налаженный бизнес, призадуматься. Если же выводов не будет сделано, то их, по всей видимости, постигнет такая же участь, как и нашего сегодняшнего – в кавычках – героя.

Эту передачу смотрели многие – она вышла в прайм-тайм, в то время, когда люди, пришедшие домой с работы, обычно смотрят новости. Некоторые восприняли ситуацию с любопытством, реакцией большинства же было равнодушие. Некоторые коллеги задержанного коррупционера смотрели на все это с особым, номенклатурным типом тревоги – а почему?.. А кто за этим стоит?.. Если вот этот человек, то что это означает лично для меня? А если тот?.. Но никто из них и мысли не мог допустить, что произошло нечто такое, что и положено по закону. Положено-то было совершенно другое! Но был среди вовлеченных в ситуацию и еще один человек, который понял, что случившееся сегодня событие отразится на нем весьма серьезным образом...

Глава 1

Заводя машину, я вдруг вспомнила слова одного моего знакомого психолога: «Если твоя жизнь начинает быть упорядоченной и напоминать железнодорожное расписание, значит, ты стареешь». Это, конечно, спорное утверждение, однако я поймала себя на мысли, что которую уже пятницу подряд, в одно и то же время, примерно в шесть часов вечера, собираюсь за покупками в один и тот же гипермаркет. Согласно словам психолога, выходит, я старею? Невзначай – после этой мысли – я взглянула на себя в зеркальце и обнаружила, что прежней свежести в своем лице не замечаю. Это мне слегка подпортило настроение, однако, включив логику, я постаралась отогнать подальше эти мысли – возможно, здесь просто плохое освещение, не тот ракурс, да и вообще, не стоит ли мне задаться подобными вопросами, характерными для любой женщины, в более подходящее время и в более подходящей обстановке?

Короче говоря, машину я все же завела и отправилась в свой традиционный пятничный вояж в «Метро». К тому же я знала: как только в моей голове начинают вертеться мысли о том, что моя жизнь застоялась, как она, эта жизнь, немедленно стремится опровергнуть данное умозаключение. Следует только подождать этого момента. И вообще, застой в делах у частного детектива – понятие относительное. Вклю-

чив радио, я узнала, что в Челябинске некто расстрелял двоих супругов, только что отведших в детский сад ребенка. На определенные мысли наводило обстоятельство, что оба супруга были юристами. «Где юристы – там и коррупция», – совершенно стереотипно подумала я, вздохнув и покачав головой. Но рассуждать на эту тему было некогда, потому как я уже припарковывала свой «Ситроен» в хвосте длинной очереди автомобилей, выстроившихся возле бывшего корпуса метизного завода, в котором уже в течение трех лет работал весьма популярный в городе гипермаркет.

Как обычно, я зашагала по выверенному маршруту, везя перед собой тележку. Ассортимент выбираемых мною товаров также особо не изменился с прошлой пятницы: пончики с шоколадом, сочинская балыковая колбаса, говяжья вырезка, семга, вареники с черникой. Я в очередной раз вспомнила фразу психолога и решила добавить что-нибудь новое к этому перечню продуктов питания. Этим новым стали авокадо и манго из фруктово-овощного отдела. А также я решила себя побаловать острыми салатиками. Их завешивали сотрудники гипермаркета, и почему-то именно здесь образовалась очередь. Чуть впереди меня стояла молодая женщина, показавшаяся мне знакомой. Причем знакомой такого рода, которых ты видишь постоянно, чуть ли не каждый день. Она поймала мой взгляд и посмотрела на меня в упор.

– Ой, Таня! – воскликнула она, неуверенно выговорив мое имя.

И тут я поняла, что это соседка из моего же подъезда. Мы часто здоровались и иногда общались, но я даже не помнила, как ее зовут. Зато я хорошо помнила мужчину, с которым она жила, – это был представительный господин лет сорока, всегда выглядевший так, как будто он собирался на какое-то важное совещание. Он всегда носил строгую официальную одежду, держался очень прямо и с достоинством. Даже, я бы сказала, с излишним. С подчеркнутым достоинством. Порою это выглядело несколько напыщенно и даже комично, хотя мужчина, узнав о подобном моем восприятии его персоны, наверное, сильно удивился бы. Он старался держаться очень солидно и, как мне думается, слегка переусердствовал в этом. Вообще мне подсознательно казалось, что он старательно играет роль и очень боится выставить напоказ свои скрытые комплексы, пряча их за маской успешного человека, на самом деле будучи не слишком-то уверенным в себе. Но может быть, это просто мои домыслы, ведь я виделась с ним всегда мимоходом, перебрасываясь дежурными, ничего не значащими фразами, состоявшими из взаимных приветствий и изредка – из упоминаний о мелких событиях в нашем доме. К тому же я вообще склонна к иронии и зачастую вижу смешное в чем-то чересчур серьезном.

Однако сейчас Валерия была одна – я все-таки вспомнила имя девушки. Невысокая брюнетка, с ярко окрашенными волосами, лет двадцати пяти.

– Давай, чего тебе взять? – тут же предложила соседка со-

кратить мое пребывание в очереди за салатиками.

– Остреньких баклажанов, грамм четыреста.

Валерия быстро передала мое пожелание продавщице, та немедленно наполнила баклажанами пластиковую коробочку, и мы с соседкой покинули очередь. Собственно, я уже завершила свою шоп-программу и собиралась направиться к кассам. Несмотря на то что Валерия была, казалось, рада меня увидеть, меня не покидало ощущение, что она сильно нервничает. Я обратила внимание, что молния на одном ее сапоге поднята не до конца, а пуговица на черном пальто, предполагавшем некую строгость ее облика, просто расстегнута. Насколько я помнила свою соседку, ее всегда отличали элегантность и внимание к своему внешнему виду. Эти же подмеченные мною детали явно свидетельствовали о том, что нечто в жизни у нее все же не в порядке. К тому же Валерия была одна, а в девяти из десяти случаях наших встреч ее сопровождал муж. Впрочем, это, конечно же, не означало, что он вообще никуда не отпускает ее одну. Тем более просто в супермаркет.

* * *

– Тебе еще что-нибудь надо? – спросила я.

– А? – откликнулась как-то невпопад Валерия.

– Ты все купила? – повторила я.

Валерия задумалась, посмотрела на прилавки, потом на

меня и вздохнула, махнув рукой:

– Да, все.

– Тогда пошли, – кивнула я в сторону касс, и Валерия двинулась следом за мной.

Последовала традиционная процедура выкладывания продуктов из корзин на движущуюся ленту перед кассой. Тут я заметила, что содержимое продуктового пакета Валерии весьма скудно – во всяком случае, вряд ли оно соответствовало самой идее посещения супермаркета в пятничный вечер. Там были всего лишь банка кофе и бутылка недорогого белого вина. Все это мне показалось несколько странным, а вкупе с некоторым беспорядком в одежде соседки наводило на неопределенные дедуктивные размышления. Учитывая мою профессию, это было вполне естественно. Однако вслух я не высказала никаких соображений. Мы довольно быстро закончили расчет и двинулись с пакетами к выходу.

Здесь, по идее, мы должны были расстаться и пойти каждая к своей машине. И как раз в тот момент, когда, по законам ситуации, должны были быть сказаны дежурные слова, Валерия вдруг остановилась, поставила пакет на землю и замерла с таким видом, как будто ей не хватало воздуха.

– Что такое случилось? – нахмурившись, забеспокоилась я.

– Ничего, сейчас пройдет, – отозвалась соседка, закатывая глаза к небу.

Я окончательно поняла, что с ней что-то не то.

– Знаешь, давай-ка поедем на моей машине, – решительно сказала я. – Ты же собираешься домой?

– Да, – кивнула Валерия.

Она подняла пакет с земли, вдруг пристально посмотрела на меня и нерешительно проговорила:

– Слушай, Таня, а ты вроде бы занимаешься... Ну, в общем, мне кто-то говорил, что ты – частный детектив.

– Да, – подтвердила я. – А что случилось-то?

Валерия тяжело вздохнула и сказала:

– Возможно, мне понадобятся твои услуги.

«Ну вот и отход от программы, – подумала я. – Мало того, что я внесла изменения в свою продуктовую корзину, так тут еще и неожиданная встреча и еще более неожиданное заявление. И не зря ведь мне показалось, что с ней что-то не так...» Однако я решила сразу же отмести всякие возможные недомолвки.

– Тут, видишь ли, дела такие: это довольно-таки недешево, – серьезно сказала я.

– Я понимаю, – махнула рукой Валерия. – Если окажется, что дело серьезное и ты ввяжешься в него, я обязательно тебе заплачу. Но сейчас... Короче, ты – специалист, и мне просто необходимо хотя бы проконсультироваться с тобой!

– Ну, поехали... Хочешь – ко мне, хочешь – у тебя поговорим... Ты на восьмом этаже живешь?

– Да...

– Ты сама поведешь машину? – осторожно осведомилась

я. – Или лучше со мной доедешь, а потом заберешь ее отсюда? А то тебе, по-моему, нехорошо...

– Да, давай лучше с тобой, – согласилась Валерия, и мы пошли к моему «Ситроену».

Погрузив покупки на заднее сиденье, я села на водительское кресло, а Валерия, соответственно, заняла пассажирское место. Она грустным взглядом проводила свой «Хэндай», оставшийся стоять в соседнем парковочном ряду. Тронув машину с места и не отрывая взгляда от дороги, я пригласила соседку к беседе:

– Ну, давай, в двух словах, что у тебя произошло? С мужем что-нибудь?

– Откуда ты знаешь? – сразу же напряглась Валерия.

Я пожала плечами:

– Вы всегда вдвоем ходите, а тут – ты одна. К тому же ты какая-то вся на нервах!

– Будешь тут на нервах, если его уже пятый день нет дома! – повысила голос обычно говорившая очень тихо Валерия.

«Ну, ничего такого уж необычного в этом нет, – с некоторым облегчением «профессионально» подумала я. – Проблема, можно сказать, весьма часто встречающаяся».

– А телефон его молчит? – вслух спросила я.

– Молчит, – согласилась Валерия. – Вернее, он говорит, что абонент недоступен.

– То есть он выключен, – произнесла я. – А кроме звонков,

ты что-нибудь предпринимала, чтобы его найти?

– Да... Вернее, нет, – как-то противоречиво отозвалась Валерия. – То есть с работы мне звонил человек, разыскивал его.

– А где он у тебя работает?

Последовала неожиданная пауза, а потом Валерия как-то сбивчиво, неуверенно сказала:

– Ой, я точно не знаю... Строительством каким-то заведует...

Я оторвала взгляд от дороги и посмотрела на свою спутницу-соседку. Она сидела совершенно растерянная, раскрасневшаяся и нервно теребила пуговицу на пальто, что и навело меня еще в магазине на подозрения: у случайно встретившейся мне в супермаркете Валерии далеко не все в порядке в жизни.

– Так, хорошо, давай-ка все же мы побеседуем дома, – решительно сказала я. – В общих чертах проблему я поняла, а детали лучше обговорить в более спокойной обстановке.

Путь не занял много времени – «Метро» находилось в десяти минутах езды от нашего с Валерией дома. Несмотря на то что я привыкла первые беседы проводить у себя, в этом случае я все же предпочла подняться в квартиру к Валерии. Я еще не знала, будет ли у меня здесь, собственно, «дело», случится ли работа, но если она все же состоится, обстановка и антураж жилища потенциальной клиентки имеют большое значение. Быстро закинув продукты в холодильник, я

поднялась на восьмой этаж.

Квартира Валерии была двухкомнатной. Как я потом выяснила, она была приобретена в основном на средства ее родителей, довольно-таки обеспеченных людей. Отец Валерии занимал какой-то пост в городской администрации, а мать преподавала иностранный язык в университете. Сама же Валерия работала офисным менеджером. В квартире было просторно – мебель наличествовала по минимуму и была строго функциональной. Не заметила я и безделушек, и различного рода декоративных элементов, свойственных квартирам, где живут женщины. Однако вся квартира была украшена кое-чем другим, что нечасто встретишь у обычных людей. На стенах висели картины и фоторепродукции определенной тематики, а именно – образы стиля унисекс, в черно-белых тонах, демонстрировавшие различные трагические эмоции, как то: одиночество, отчаяние и стремление к смерти. Присутствовали также изображения brutальных воинов с мечами, причем, что интересно, в одном из них я узнала мужа Валерии.

– Это он? – спросила я, указывая на фотографию, когда Валерия вернулась с кухни, чтобы принести нам обеим кофе.

– Да, – слегка улыбнувшись, ответила хозяйка. – Он очень любит подобный стиль.

– Насколько я знаю, все это называется готикой, – полу-вопросительно произнесла я.

– Да, это готика, – ответила Валерия, приглашая меня

присесть за столик.

Кроме кофе, Валерия выставила на столик и бутылку вина – того самого, что приобрела в гипермаркете, и два бокала. Она собиралась наполнить обе емкости, но я решительно отказалась от алкоголя, сославшись на то, что никогда не пью во время работы, пусть даже пока еще и не заключен договор на нее. Валерия поколебалась, но все же налила себе половину бокала и отпила несколько глотков. Выпила, чуть подумала и наполнила бокал вновь. Я молчала, постукивая ложечкой по краю чашки.

– Вообще-то, я практически не пью, – словно бы оправдываясь, заговорила девушка. – Просто... Просто я сейчас нервничаю.

– Ну, немного вина для расслабления, может быть, и пойдет на пользу, – заметила я. – Но не стоит слишком увлекаться, иначе к уже имеющимся проблемам добавится еще и головная боль.

Валерия подавила вздох, сделала небольшой глоток и отставила недопитый бокал, переключившись на кофе. Мысленно одобрив эти ее действия, я деловито сказала:

– Ладно, давай вернемся к обстоятельствам того, как и когда пропал твой муж. И прежде всего мне хотелось бы задать тебе несколько основополагающих, что называется, вопросов.

– Задавай...

– Давно ли вы живете вместе и зарегистрирован ли брак?

Валерия покачала головой:

– Нет, мы не расписаны. А живем где-то с год...

«Примерно так я и думала, – отметила я про себя. – Если Валерию я видела здесь уже года два с половиной, то представительный мужчина с готическими наклонностями появился несколько позже».

– Как, кстати, зовут твоего мужа?

– Игорь... Игорь Минаев.

– А он намного старше тебя?

– На двенадцать лет. Мне двадцать восемь, а ему совсем недавно, в декабре, исполнилось ровно сорок. Я еще предупредила его, говорила, что это плохая примета – отмечать сорокалетие... – Валерия вдруг зашмыгала носом и лишь усилием воли сдержала готовый вырваться всхлип.

– Так, хорошо, – отхлебнув глоток кофе, деловито сказала я. – Отставим пока что суеверия. Ты говоришь, что он не появляется дома пятый день подряд? Телефон отключен, а на работе он тоже отсутствует все это время. Кстати, где он работает, ты точно не знаешь и никогда там не была?

– Нет, – равнодушно пожала плечами Валерия. – И никогда не собиралась там бывать. Игорь считал, что это – его дела и мне совершенно незачем в них лезть.

Надо сказать, что, встречая эту пару мимоходом в подъезде или во дворе, я отметила определенную особенность, определенную стереотипную модель: Игорь всегда выглядел в этой паре лидером, а Валерия – ведомой. Игорь всегда здо-

ровался первым и всегда находил что сказать, Валерия же почти все время молчала. Однако наши контакты были столь поверхностными, что я даже не знала, как зовут мужа соседки. И то, что Валерия была плохо осведомлена о делах своего гражданского, как теперь выясняется, мужа, вполне укладывалось в эту модель. Возможно даже, что Игорь был как бы «мужем-отцом». Точнее, он играл такую роль и делал это с удовольствием. Нужно заметить, что она ему хорошо удавалась. Но это все – лишь предположения, сделанные мною в результате скоротечных наблюдений... Что ж, продолжим вникать в суть дела.

– Лера, а такое бывало раньше в течение вашей совместной жизни? – спросила я, переходя к менее формальной форме обращения, чтобы сократить дистанцию между нами. В данный момент это было наилучшим способом установить более доверительный контакт. – Игорь никогда... не исчезал? Ну, скажем там, мог он внезапно загулять с друзьями, поехать неожиданно в командировку, не предупредив тебя об этом?

– Нет, – тут же ответила Валерия. – Только один раз он ночевал не дома, а у друга, но это потому, что... – она слегка усмехнулась, – он слишком много выпил.

– А как у него вообще с этим делом? – я щелкнула себя пальцем по горлу.

– В пределах разумного.

Впрочем, я спросила об этом лишь для проформы. Такой

строгий и подтянутый господин, как Игорь Минаев, никак не ассоциировался с образом алкоголика.

– Он всегда был против того, чтобы я пила спиртные напитки, – добавила Валерия, покосившись на бутылку с вином. – Позволял мне выпить только пару бокалов по праздникам, и то только после того, как я попрошу разрешения. Но мне это нравилось! – спохватившись, что я могу неправильно истолковать ее слова, тут же воскликнула Валерия. – Я же говорю, что я – не поклонница алкоголя. Мне нравилось, что Игорь проявляет таким образом... заботу обо мне.

«Да, кажется, мои предположения относительно модели «строгий папа – послушная дочка» подтверждаются, – отметила я про себя. – Словечки типа «позволял», «попросить разрешения» наглядно свидетельствуют о том, что Игорю Минаеву нравилась роль властного мужчины. Собственно, почему – «нравилась»? Пока что нет оснований говорить о нем в прошедшем времени». И я вернулась к сути проблемы.

– Лера, я должна у тебя спросить еще вот о чем... – Я многозначительно посмотрела на нее.

Валерия вновь усмехнулась и опередила меня:

– Любовницы, я думаю, все-таки исключены... Если ты хотела об этом...

– Да, именно об этом. Впрочем, постарайся понять меня правильно. Я сейчас рассматриваю все возможные версии.

– Да-да, я понимаю. – Соседка посмотрела на меня широко раскрытыми серыми глазами, в которых отражались рас-

терянность и неуверенность.

– Поэтому как бы тебе, возможно, ни было неприятно говорить на эту тему, но... Видимо, придется. И еще, кстати, одна важная вещь! Итак, вы не расписаны, эта квартира, как я понимаю, принадлежит тебе, а... Извини, конечно, но что с твоими ценными вещами? Все ли на месте?

Валерия на этот раз не просто усмехнулась, а откровенно заулыбалась:

– Самая ценная вещь в квартире – вот этот самурайский меч!

И она указала в угол, где в коробке действительно лежали ножны.

– Что, действительно – самурайский? – недоверчиво спросила я.

– Я точно не знаю, но Игорь купил его именно как самурайский, за очень серьезные деньги, у одного коллекционера. И меч находится в ножнах.

Валерия вдруг слегка нахмурилась, поднялась и шагнула в угол. Взяв ножны в руки – видимо, они были тяжеловатыми, судя по усилию, с которым она их подняла, – девушка развела руки в разные стороны и вздохнула с облегчением. В левой руке у нее остались ножны, правая же сжимала внушительный меч.

– Ну вот, все на месте, – с натянутой улыбкой констатировала она.

– Ну и замечательно. Ладно, о мечах мы поговорим по-

том, – махнула я рукой, – а сейчас давай о менее заметных, но, возможно, более ценных вещах. Например, просто о деньгах?

– Ну, особых сбережений у нас не было... В смысле, у меня свой счет в банке, у Игоря – свой, но это как бы разные вещи, и доступ был у нас к ним односторонний. Украшений особо ценных у меня нет, я предпочитаю недорогое серебро. Потом, есть еще ноутбук, но Игорь его часто носит с собой. Вот и в тот раз взял....

– Кстати, давай восстановим последовательную цепь событий. Итак, когда он в последний раз был в этой квартире?

Валерия слегка подумала, потом ответила:

– Сегодня пятница, значит, это было утро понедельника. Я собиралась на работу, он тоже. Но он уходит позже, порою не раньше одиннадцати... Впрочем, бывает по-разному... В тот день я ушла первой, он был здесь, завтракал.

– Ничего необычного в его поведении ты не заметила? Нервозности, раздражительности, а может быть, наоборот, необыкновенной приподнятости настроения?

– Н-нет, – нахмутив брови и, видимо, стараясь по максимуму вспомнить все детали того утра, ответила соседка.

– Вы не ссорились?

Валерия вновь покачала головой:

– Мы вообще практически никогда не ссорились.

– Ни на какие проблемы Игорь не жаловался?

Валерия потянулась за сигаретами. Закурив и тяжело вы-

пустив первую струю дыма, она сказала:

– Ты удивишься, но он никогда не жаловался на проблемы... Вернее, жаловался, но это было или... что-то вроде – «у меня здесь болит» и «нарвался на очередной нервяк». А так, чтобы рассказать что-то по существу – это не в его характере.

– Выходит, вы своими проблемами друг с другом не делились, – заключила я.

– Выходит, нет.

– Общих знакомых ты, конечно, обзванивала...

– Разумеется. Их, собственно, не так уж и много... Никто ничего не знает.

– А в полицию ходила?

– Смеешься? – ответила вопросом на вопрос Валерия. – Чтобы они меня уверяли о наличии у него любовниц и обо всем таком прочем... И это еще в лучшем случае, а то и вообще не стали бы меня слушать!

– Извини... А такие учреждения, как больницы или, того хуже, морги... – осторожно произнесла я.

– Этим я как раз и занималась сегодня с утра. Нет, там никаких случаев, что называется, подходящих «под Игоря», не зафиксировано.

Я подумала: наверное, настал момент, чтобы определиться окончательно. Возможно, конечно, что дело это вскоре само собой разрешится, и, может быть, даже без моего участия. Однако пять дней отсутствия человека дома, притом что по-

добных прецедентов раньше не бывало, – это многовато. Работы у меня сейчас нет, почему бы не взяться за это? Тем более если Валерия оплатит расследование. А я согласилась бы на расследование только при соблюдении этого условия. Деньги у нее есть, по крайней мере, она явно не голодает и вполне в состоянии оплатить мои услуги. К тому же она сама заикнулась о том, что я могу ей понадобиться с профессиональной точки зрения.

– Лера, теперь давай по существу, – я хлопнула в ладоши. – Я могу, конечно, посоветовать тебе подождать, пока все само собой не образуется и Игорь не вернется. Несмотря на то что такого у вас не было никогда, это не значит, что никогда и не будет впредь. Все когда-то случается впервые. Но это один вариант, и весьма призрачный. Но есть и второй... А именно: я проведу небольшое расследование. Можно сказать, предварительное. Потом посмотрим, что делать дальше. Но... Это если ты готова мне заплатить и не хочешь ждать.

Валерия немного подумала, потом спросила о расценках. Еще немного подумав, она согласилась.

– Я, может быть, не стала бы особо волноваться, – заговорила чуть позже она, затушив сигарету. – Даже любовница меня не так уж сильно расстроила бы... Но я чувствую, что здесь что-то совсем не обычное. Где-то в глубине души чувствую. И что сама я это не разрулю. Да и само собою это не разрулится.

Последнюю фразу Валерия произнесла очень грустным тоном. Я же подумала, что чувства в глубине души – это, конечно, хорошо, но порою к реальности они имеют слабое отношение. Определившись с тем, что после встречи с Валерией в супермаркете я обрела какую-никакую работу, я могла начинать действовать.

– А теперь давай порассуждаем вместе, – предложила я. – Если отмести криминальные варианты исчезновения твоего Игоря – ну, то есть что его убили, – то получается, что он сбежал?

– Получается, что так, – еще более грустным тоном согласилась Валерия. – Только для этого нет никаких причин.

– Видимых причин действительно нет, – согласилась я. – Вы не ссорились, нормально жили, на работе проблем у него не было... Впрочем, про работу ты практически ничего не знаешь. Но ты говорила, что проявлялся какой-то человек с его работы. Кто это?

– Это Петр Строгачев, его партнер. Он пару раз был у нас в гостях. И звонил мне позавчера, чтобы узнать, где Игорь. По его словам, Игорь пришел на работу в понедельник, уехал после обеда, во вторник не пришел...

– А в среду Петр забеспокоился и позвонил тебе, – закончила ее мысль я. – И с этим Петром, думается, мне нужно встретиться в самое ближайшее время. Тебе он только звонил, да?

– Да, только звонил. Но хотел приехать, чтобы поговорить

более конкретно. Я сослалась на то, что болею, и отказалась.

– Почему?

Валерия слегка замялась:

– Не очень он мне нравится. Какой-то дотошный тип, веч-но всем недовольный... Неприятный, короче говоря.

– Ну, приятный он или неприятный, в данном случае это неважно. Встретиться с ним надо. Но это уже моя забота. А что по поводу тех друзей, которых ты обзванивала? Кто это? Что за люди?

– Да, собственно, у нас их всего трое. Причем двоих сей-час в городе нет.

– Вот как? Интересно...

– Ничего особо интересного, – вздохнула Валерия. – Есть так называемый Кролик, – она слегка улыбнулась, – ну, во-обще-то он Коля Кремнев. Доморощенный философ, а ра-ботает таксистом. У него «Фольксваген» – не новый, правда. На нем и работает. С ним я разговаривала. Еще один друг, Дмитрий, бизнесмен, он сейчас в Москве. Наконец, самый близкий приятель Игоря, музыкант Андрей Рубальский, сей-час в Швеции, приехать должен завтра. И кстати, если что... Если уж куда-то Игорь и собрался бы исчезнуть, тем более к какой-то другой женщине... То именно с Андреем он и дол-жен был чем-то поделиться. Вернее, даже не должен – это не совсем подходящее слово, – а мог бы. То есть если бы с кем-то он и пооткровенничал, то только с Андреем. А так вооб-ще Игорь человек довольно закрытый.

– Понятно. Это все?

– Ну, это те друзья, которых я знаю, к которым мы ходили и которые приходили сюда. У Игоря много контактов по работе, но о тех людях, как ты понимаешь, я ничего не знаю. Да и вообще...

– Так, я совсем забыла, – перебила Валерию я. – А родственники Игоря? С ними ты связывалась?

– У него нет родственников, – ответила Валерия.

Я слегка опешила.

– Совсем?

– Ну, в нашем городе нет, – уточнила моя соседка и по совместительству уже и клиентка.

– Интересно, – протянула я. – То есть Игорь не из нашего города. А из какого же?

– Точно я не знаю, – с едва заметной усмешкой ответила Валерия.

Видимо, она понимала, что в моих глазах ее ответ выглядит не совсем адекватным.

– Как это – ты не знаешь? – только и смогла вымолвить я.

– Ну, он приехал сюда с Урала, у него там остался отец и первая семья, о которой он крайне не любил говорить. Утверждал только, что с женой расстался очень нехорошо. Он запрещал мне об этом его спрашивать.

«Совсем замечательно, – подумала я. – А этот Игорь, выходит, очень даже непростой человек... В смысле своей биографии и в том смысле, что искать его, похоже, можно во

многих местах».

– Так, тогда у меня такой вопрос. Ты говорила, что единственный человек, с которым Игорь мог бы быть откровенен, – это композитор Андрей Рубальский?

– Верно, – подтвердила Валерия.

– А почему именно он? Ведь Игорь живет в Тарасове совсем недолго, и по натуре он человек закрытый, как ты сама утверждаешь. Да и мне он кажется таким же. То есть с ним можно проговорить без остановки часа два подряд о чем угодно, а потом обнаружить, что о нем самом ты так ничего и не знаешь.

– Да, это точно про него! – подхватила Валерия.

– Так откуда же такое доверие к Рубальскому с его стороны?

Валерия призадумалась.

– Вообще-то они, кажется, знакомы давно... – произнесла она не очень решительным тоном.

– Это ты так думаешь или кто-то из них говорил об этом более опеделенно? – уточнила я.

– Я так думаю, исходя из неких нюансов их бесед. То есть дословно я не могу привести пример, но общее впечатление складывалось именно такое: что они знают друг друга уже много лет.

– Понятно, – с легким разочарованием ответила я, думая, что стоит переговорить с этим Рубальским как можно скорее. Я вернулась к началу темы: – Значит, никаких адресов

и телефонов из его родного города ты не знаешь...

– Конечно, нет, – сказала Валерия. – Понимаешь, может быть, это и не совсем обычно для тебя и для других людей, но... Мы не интересовались прежней жизнью друг друга. Для нас было важно то, что происходит сейчас. У меня тоже до Игоря была не слишком-то счастливая жизнь. Жила я с одним парнем, потом он меня бросил и покончил с собой.

– Сразу же? – удивилась я.

– Нет. Спустя полгода. Он ушел к другой, а там – не сложилось. И вообще, он употреблял наркотики, так что...

Договаривать Валерия посчитала лишним.

– Извини, а ты как насчет наркотиков? – решила спросить я.

Валерия ответила очень просто, ничуть не смущаясь:

– Раньше было, но так... Несерьезно, на уровне травки. Баловство, короче. Всерьез меня не зацепило. А потом я стала готкой. – И Валерия показала на фотографии и картины, висевшие на стенах ее квартиры. – Убедившись, что это, как говорится, мое, я поняла, что травка была лишь временным увлечением, подменой искавшей выхода моей готической сущности.

– То есть сублимацией, – вставила я, вспомнив занятия по психологии во время моей учебы.

– Можно называть это как угодно, – согласилась Валерия. – А когда я нашла свое истинное «я», наркотики просто оказались лишними. Вот и все.

– Слушай, а как вы вообще с Игорем нашли друг друга? – наморщив лоб, поинтересовалась я, думая, что все это как-то плохо вяжется с образом такого подчеркнута благополучного традиционалиста, как Минаев.

– С Игорем познакомилась на рок-концерте. Он выглядел очень необычно, был не похож на других. В отличие от молодежи, которая посещает в основном такие мероприятия...

Я почувствовала, что образ, сложившийся у меня в результате поверхностных наблюдений за этой парой, весьма серьезно корректируется после детального знакомства с их жизнью. В самом деле, нельзя было подумать, что такой солидно и очень официально выглядевший Игорь, кстати, разменявший пятый десяток, посещает рок-концерты и вместе с Валерией увлекается готикой, причем в субкультурно-молодежном понимании этого слова.

– Теперь понятно, что вас сдружило все это, – я обвела рукой пространство, заполненное готическими элементами.

– Ну, не совсем это, – не согласилась Валерия. – Как-то так получилось, что мы подходим друг другу. И не только в этом. Игорь меня очень хорошо чувствует, понимает. Заботится обо мне. Знаешь, до него никто еще не относился ко мне так бережно.

«Да уж, заставляя спрашивать разрешения на лишний бокал вина и при этом исчезнуть, не черкнув женщине ни слова, – это очень бережное отношение!» – настал мой черед усмехаться.

Впрочем, возможно, я несправедлива к Игорю Минаеву, поскольку не знаю всех обстоятельств его исчезновения. Но количество первоначальной информации было достаточным для того, чтобы обдумать дальнейшие действия уже в одиночестве. Поэтому я собралась идти к себе.

– Значит, ты говоришь, что музыкант Андрей Рубальский, который сейчас находится в Швеции, будет здесь как раз завтра? – переспросила я, уже стоя на пороге квартиры Валерии.

– Да, только телефона его у меня нет. Придется Андрея искать, – слегка извиняющимся тоном проговорила Валерия.

– Поищем. Только где?

– У него как раз завтра концерт в клубе July Morning. Знаешь, где это? Недалеко от набережной, возле здания налоговой полиции.

– Ну, я там никогда не была, но ты меня отведешь, – подвела итог я. – Во сколько у него концерт?

– Обычно начало в восемь вечера, я уточню, – пообещала Валерия.

– Отлично, я зайду за тобой в половине восьмого, и отправимся вместе. Только вот еще что... Ты ему пока что не говори, что обратилась к частному детективу, о'кей?

– Хорошо, – кивнула девушка.

– Вот и ладненько, а теперь я пойду домой, подумаю, если что-то будет новое, сразу сообщу мне.

И мы с Валерией обменялись номерами телефонов. Напоследок я посоветовала клиентке успокоиться и обнадежила

ее общими словами. Впрочем, Валерия внешне всегда выглядела спокойной. Это свойство интровертных людей иногда приводило меня в замешательство и порою даже заставляло делать неверные выводы. Во всяком случае, подобное их свойство всегда усложняло мою задачу – из таких людей приходилось вытягивать информацию чуть ли не клещами и гадать об их скрытых мотивах и чувствах. Однако это была моя работа, и жаловаться на клиентов я могла себе позволить, что называется, лишь в ситуации «Таня устала от всего и хочет слишком легкой жизни». Короче говоря, Валерия – такой же клиент, как и все прочие, и моя задача заключается на данный момент в том, чтобы найти ее гражданского мужа.

Вернувшись домой и поужинав, я включила легкую расслабляющую музыку и предалась размышлениям. Итак, судя по всему, Игорь Минаев, сожитель моей соседки, появился в городе Тарасове примерно с год или чуть более тому назад. Приехал откуда-то с Урала, где у него не сложилась жизнь с прежней женой, там остался его отец. Здесь он находит Валерию, видимо, как-то «обвораживает» ее и начинает жить с ней в ее квартире. Обзаводится работой – а может быть, и собственным бизнесом, это еще надо проверить. Почему он приехал именно сюда? И если он сменил место жительства один раз, почему невозможен еще один его ход в том же направлении? В этом случае у него должен быть, так сказать, запасной аэродром. Валерия мало что знает о своем самом близком человеке за пределами своей квартиры и

за пределами их отношений. Кстати, отношения эти накладываются на их общее увлечение готикой... Я заглянула в Интернет и поинтересовалась более детально, что же представляет собою подобная субкультура. «Одно из распространенных обвинений в адрес готики – пропаганда суицида», – прочла я в Википедии. Что, в принципе, сочетается с реальным эпизодом, произошедшим с бывшим парнем Валерии. Интересно, однако, что все это характерно скорее для молодежи, а Игоря отнести к этой возрастной категории никак нельзя. Тем не менее, по утверждениям Валерии, он вполне «в теме». Этот готический след мог привести меня к разнообразнейшим версиям, но информации было слишком мало для их выстраивания на каком-либо реальном фундаменте, а заниматься пустым фантазированием мне не хотелось. Впрочем, для подобных ситуаций у меня есть помощники, которые многими людьми не воспринимаются как нечто реальное. Но моей – вполне реальной – работе они, в мистическом плане, помогают прекрасно. Точнее, практически, а не мистически, помогают, хотя на первый взгляд это может выглядеть чуть ли не оккультизмом. О как! А если говорить проще и понятнее, то речь идет всего лишь о гадальных костях – гладеньких двенадцатигранниках, которые хранятся у меня в замшевом мешочке уже... даже и не помню сколько лет! И пусть скептики усмеваются и болтают что им угодно, а я, человек тоже далеко не наивный и зачастую довольно-таки циничный, отношусь к ним весьма серьезно и по-

чительно. Я люблю свои косточки, люблю гладить их пальцами, ощущая их приятную отполированную поверхность, люблю и просто рассматривать, любуясь их строгой математической красотой, и при этом я их... уважаю. Я отношусь к ним как к личностям, и пусть кто-нибудь бросит в меня камень и скажет, что это – бред сивой кобылы, но я-то знаю, что мои кости всегда говорят правду! Недаром я упомянула о своем долголетнем знакомстве и «сотрудничестве» с ними. Так вот, за все это время кости не подвели меня ни разу. Просто с ними нужно именно сдружиться, понять их, чтобы верно толковать выпавшие комбинации. Ну вот, например...

Я потянулась к мешочку, с удовольствием потрясла его, услышав, как перекатываются внутри тяжелые двенадцатигранники, затем дернула шнурочек и высыпала кости на компьютерный стол. С привычным для моих ушей стуком они упали на его поверхность. Итак:

« $14+28+9$ – Святая верность друг другу, несмотря на проiski соперниц».

Я несколько секунд барабанила пальцами по столу, наморщив лоб. Так как я сама в данный момент не была обременена личной жизнью ни в каком проявлении – случаются и у меня подобные периоды, – то, по всей видимости, речь идет о моей новоявленной клиентке Валерии и ее мужчине Игоре Минаеве. И если решить, что это предсказание не стоит и ломаного гроша, такое предположение будет в корне неверным. Дело не в том, что Игорь Минаев, согласно толкованию

костей, выглядит высокоморальным человеком. Нет: кости хотят меня предупредить, что причиной его исчезновения является вовсе не связь на стороне. Отнюдь нет! И уже моя собственная интуиция шептала, что эта причина куда серьезнее банальной интрижки...

Глава 2

Субботнее утро встретило меня пасмурной погодой. Чему я, впрочем, совершенно не удивилась, поскольку стояла середина января. За прошедшую ночь небо щедро одарило город Тарасов великолепнейшим снегопадом. Двор был очень красив в своей минималистически холодной палитре цветов: белый снег, сероватые стены домов, едва заметные на фоне снега коричневые стволы деревьев и серо-голубоватое небо. Вот только машину придется тщательно обмести от снега. Да и ездить на ней сейчас не очень-то удобно – во многих местах нашего города снег просто не чистят.

Позавтракав, я сразу же позвонила Валерии.

– Лера, доброе утро! Ничего нового не произошло? – спросила я.

– Нет, – спокойно ответила Валерия. – Никто не звонил, не приходил. Игорь не вернулся.

– Я подумала, что терять время мы не будем. Насколько я понимаю, вечером мы идем в рок-клуб, чтобы встретиться с музыкантом Андреем Рубальским?

– Да, в восемь часов начало, как обычно, я специально поинтересовалась.

– Ты не говорила ему обо мне? – на всякий случай уточнила я.

– Нет, как мы и договаривались.

– А насчет того, что Игорь пропал, сказала?

– Нет. Собственно, я вообще с ним не разговаривала. Я просто позвонила в July Morning и спросила, во сколько сегодня концерт. Мне ответили, что в восемь, как всегда.

– Замечательно, молодец, – не поскупилась я на похвалу, но скорее для того, чтобы немного подбодрить Валерию и подтолкнуть ее к неким действиям, осуществить которые пришло мне в голову сегодня утром. – Кстати, нам не нужно приобрести билеты заранее?

– Нет, это необязательно. Хотя билеты и продают, но обычно несколько свободных мест оставляют, что называется «для своих». А меня, смею надеяться, Рубальский все же причисляет к таковым. И потом, ему не помешают лишние деньги, – я почувствовала, что Валерия улыбнулась и тут же добавила: – Я заплачу за нас обеих, не беспокойся!

– Да вовсе не об этом я беспокоюсь! – перебила я свою вдруг ставшую многословной с утра клиентку. – Я просто подумала: а почему бы не посвятить первую половину дня беседе с деловым партнером Игоря, неким Петром, которого ты причислила к неприятным типам?

Я решила немного пошутить, чтобы развеять довольно мрачную, грустную атмосферу, которая висела, откровенно говоря, над моей головой и вчера, во время нашего разговора с Валерией, да и сейчас, виртуально, в процессе разговора по телефону, ощущалась, несмотря на то что Валерия показалась мне чуть более оживленной. Может быть, этому

оживлению способствовало осознание того, что что-то уже делается в отношении поисков ее гражданского супруга?

– В самом деле... Почему бы и нет? – тут же согласилась Валерия, подтвердив мои догадки, что ее подбадривают реальные действия.

– Тогда спускайся ко мне, позвоним ему, а потом поедем, – быстренько решила я. – Или, может быть, пригласим его сюда?

– Если можно, к тебе домой, а не ко мне, – попросила соседка.

– Да без проблем, – отозвалась я.

Через десять минут Валерия пришла ко мне. Она была одета в черную водолазку и черные джинсы. Вкупе с ее черными волосами это полностью укладывалось в стереотип готического имиджа. Она, впрочем, как я вспомнила, выглядела так всегда, просто мне никогда не приходило в голову связывать все эти детали. Нужно заметить, что черный цвет ей шел, правда в сочетании с общей бледностью ее лица выглядело это несколько мрачновато. Я бы посоветовала ей с возрастом все же отказаться от темных тонов или хотя бы освежать образ с помощью каких-либо аксессуаров белого цвета – шарфика, воротничка, платочка... Хотя, исходя из моих жизненных наблюдений, став старше, люди почему-то сами собою перестают быть всяческими готами, эмо, панками, бисексуалами и тому подобными оригинальными личностями. Наигравшись в это в юности, они в дальнейшем тянутся к

чему-то более привычному и спокойному. В этом свете, пожалуй, исчезнувший господин Минаев выглядит неким исключением. Впрочем, что он большой оригинал, я уже поняла. И все же... Не тщательная ли это маскировка? Я имею в виду, не использует ли Игорь Минаев свое увлечение готикой для прикрытия своего истинного лица? Маска, правда, весьма экзотическая, но, возможно, он считает, что так его труднее будет идентифицировать в случае чего? Вот только – в случае ЧЕГО именно? И не наступил ли уже этот случай?..

Но сейчас рассуждать об этом мне было некогда, да и не с руки – Валерия сидела напротив и выжидающе глядела на меня.

– Слушай, вчера я забыла спросить, – неожиданно пришла очевидная мысль, которая действительно ускользнула от меня вчера. – У тебя есть подруги?

Валерия посмотрела на меня так, как будто крайне удивилась этому вопросу, к тому же прозвучавшему из уст частного детектива, который, по определению, должен знать все ответы и без того, чтобы открывать рот и задавать их вслух.

– Можно сказать, что нет, – ответила наконец она. – На работе – это не считается. Это, по большому счету, вынужденное общение, к тому же временное. Только на период самой работы. А так... У школьных подруг – свои интересы, и с нашими они мало пересекаются. Если честно, у меня никогда и не было ни одной близкой подруги. Кажется, я не слишком-то умею дружить. Да и не так уж в этом нуждаюсь,

честно говоря.

Валерия смотрела на меня просто и естественно, словно желая сказать: «Да, вот такая я, вся как есть, как на ладони, сижу перед тобой».

Помолчав, она продолжила:

– Еще у меня есть сестра, но она живет далеко, к тому же она замужем, поэтому общаемся мы редко. В основном мы общались с друзьями Игоря. Но их имена я вчера уже перечислила.

Да, эта девушка явно предпочитала жить жизнью других людей, а не своей собственной. И господин Минаев как раз очень удачно вписался в ее ментальность. Она настолько растворилась в его персоне, чувствовала себя его неотъемлемой частью, а не самостоятельной личностью, что для нее это и впрямь было лишним – интересоваться тем, что выходило за рамки их отношений. Это все была ЕГО жизнь, посторонняя, в которой Валерии не было, а следовательно, ей незачем было и знать о ней. Игорь Минаев словно повесил на нее занавеску, а Валерия своей же рукой еще и скрепила ее, чтобы, не дай бог, она не раздернулась. Я была уверена, что, если бы не исчезновение ее любовника, вынудившее Валерию инициировать расследование, она сама никогда бы не стала и пытаться заглянуть за эту завесу. Кстати, не стоит ли за этим страх лишиться своего любимого, из которого она, кажется, создала некий культ и влюбилась в его образ? И возможно, даже понятия не имеет, что собою представляет этот человек

в реальности. Я, кстати, при общении с Игорем Минаевым тоже отмечала некую его театральность... Но сейчас, на данном этапе расследования, еще очень трудно сделать определенные и точные выводы, можно лишь взять кое-что на заметку, чтобы впоследствии сопоставить это с показаниями и поведением других персонажей.

Валерия сделала паузу, во время которой все эти мысли пронеслись в моей голове, а потом спросила со своей излюбленной усмешкой:

– А ты спросила об этом, потому что подозреваешь, что Игорь ушел к одной из моих подруг?

– Ну, для того, чтобы подозревать, нужно как минимум, чтобы они были, эти подруги, – копируя ироничный тон клиентки, парировала я, памятуя о вчерашнем предсказании костей. А в нем, помимо указания на то, что мужчина Валерии исчез не из-за соперницы, было еще и упоминание о происках этих самых соперниц. Вот этот фактор я и пыталась сейчас отследить, но, увы, пока безуспешно.

– Да нет, я в принципе понимаю ход мыслей частного детектива, во всяком случае уж самые очевидные версии вижу... Но здесь, хочу я сказать, копать нечего. – Валерия прозвнесла это с абсолютной уверенностью.

– Спасибо, ты избавляешь меня от лишней работы, – сказала я. – Давай телефон Строгачева. Вернее, позвони ему сама.

Строгачев по телефону держался сухо, сдержанно и

немногословно. Тем не менее от встречи он отказываться не стал. Вмешательство частного детектива, кажется, нисколько его не удивило, во всяком случае он никоим образом не выразил этого. Договорились мы с ним следующим образом – он приезжает ко мне домой и я с ним разговариваю, но не в присутствии Валерии. Мне это требовалось для большей свободы разговора, и моя клиентка с легкостью согласилась на это, потому что не очень-то хорошо переваривала общество Петра Степановича.

Строгачев явился точь-в-точь в соответствии с договоренным временем – ровно в два часа дня. Это был человек невысокого роста, очень неприметный на вид, в черной куртке и серой вязаной шапочке. Свитер, рубашка и брюки были выдержаны все в той же неброской цветовой гамме. На вид ему можно было дать лет пятьдесят с небольшим. Словом, передо мной был довольно-таки суховатый и, скорее всего, неразговорчивый и скрытный человек. Строгачев цепко оглядел интерьер моей прихожей и комнаты, когда я пригласила его войти.

– Насколько я понял, Игорь так и не нашелся? – довольно скрипучим тоном и с шумным выдохом произнес он, усаживаясь в кресло.

– Увы, не нашелся, – подтвердила я, садясь напротив Строгачева на диван. – И я пригласила вас сюда для того, чтобы вы помогли мне найти его.

– Если бы я мог помочь, сам бы нашел его, – проговорил

Петр с выражением крайней озабоченности на лице.

Петр Строгачев держался так, словно это по его инициативе был нанят частный детектив. Я пока что продолжала присматриваться к нему, не забывая о том, для чего его пригласила.

– У меня к вам первый вопрос – были ли у вас проблемы в бизнесе? Да и неплохо было бы узнать, чем вы вообще занимаетесь... – начала я с места в карьер.

– Проблемы у нас, разумеется, были, – сказал Строгачев. – Только какое отношение они имеют к тому, чтобы человек исчез?

– Так вы расскажите, а я потом подумаю, какое отношение они могли к этому иметь, – приветливо улыбнулась я.

Строгачев не отреагировал ответной любезностью. Он лишь раздраженно махнул рукой и буркнул:

– Да никакого! Это все проблемы не такого порядка, чтобы человек из-за них исчезал.

– У вас какие-нибудь версии есть?

– Если бы они были, я бы давно уже начал их отрабатывать, – с неким вызовом сказал Строгачев, пронзительно глядя на меня карими глазами.

В его взгляде сквозило недоверие, переходящее в насмешку. «Он или законченный мизантроп, или шовинист, или... Ну, в общем, я отчасти понимаю Валерию», – подумала я, поскольку и мне пока что общество Петра Степановича тоже не доставило ни малейшего удовольствия. Однако моя рабо-

та не зависит от моих симпатий или антипатий, я привыкла держаться беспристрастно, поэтому спокойно продолжила диалог.

– Вы, как человек со стороны, скажите мне, пожалуйста: как, на ваш взгляд, они жили с Валерией? – сменила тему я.

– Как жили? – слегка растерялся Строгачев. – Да как... Нормально жили. Я у них часто не бывал, по словам Игоря, все было нормально. Его все в ней устраивало. Ему вообще нравились такие женщины.

– Какие? – тут же поспешила уточнить я.

Строгачев вздохнул, покрутил рукой в воздухе, словно подыскивая нужное слово, потом внимательно посмотрел на меня и нехотя выдавил:

– Странненькие...

В его устах такая формулировка звучала почти оскорбительно.

– В чем это, по-вашему, заключается? – невозмутимо поинтересовалась я.

Строгачев посмотрел на меня на сей раз уже как на законченную идиотку, хотя, возможно, мне это просто показалось:

– Вы были у них дома? Вы знакомы с тем, что они читают и слушают?

Я понял, что Строгачев намекает на странные, с точки зрения обычного человека, готические «прибамбасы», и кивнула головой.

– Тогда что тут еще объяснять? – пожал сухонькими пле-

чиками Строгачев.

– Ну, уж чего-то из ряда вон выходящего я не заметила, – осторожно сказала я, думая, что, возможно, просто Валерия не открыла мне всей подноготной своей жизни с Игорем и теперь это сможет восполнить Строгачев.

– У нас у всех, конечно, есть свои тараканы в голове, – примирительно проговорил Петр, закидывая ногу на ногу, – но вот этого всего я не понимаю. Поэтому у нас и имеется взаимное непонимание с Игорем... И даже, случается, неодобрение действий друг друга. Но только в мелочах. А по большому счету мне все это неинтересно. Мне интересны реальные вещи – бизнес, к примеру. Вот мы строим насосную станцию. Вернее, строят рабочие, а мы с Игорем руководим строительством. И в принципе у меня нет особых к нему претензий, потому что бизнес – это в основном его детище, а я, можно сказать, просто наемный работник. И отсутствия его на работе я мог бы не заметить порою и в течение целого месяца, но вышло так, что в среду понадобилась его подпись на одном из документов, а я ее – при всем желании – воспроизвести не смог бы.

– От Валерии я знаю, что Игорь был на работе в понедельник. Вы ничего подозрительного не заметили? – спросила я.

– Нет, – мрачно ответил Строгачев, даже не задумываясь. – Хотя, по правде сказать, я иногда подозревал, что чем-то подобным все могло закончиться.

– Петр, а нельзя ли поподробнее? – попросила я. – Все-

таки я расследую исчезновение вашего компаньона и в какой-то степени друга. Любая мелочь может оказаться решающей!

– Подробнее – нельзя, – вдруг резко отозвался Строгачев. – Потому что, к сожалению, это всего лишь мои интуитивные предположения. И они могут вас завести совсем не туда, куда нужно. А я потом виноват буду! Зачем мне это надо?

– А почему вы так решили? – участливо спросила я, стараясь не раздражать этого, по всему было видно, вспыльчивого человека.

Строгачев засопел носом и проговорил:

– Потому что Игорь, при всех его положительных качествах, энергии и умении уговорить людей, был... знаете ли, таким... – Петр поморщился, – мутным. Неопределенно-мутным. Видите ли, я довольно дотошный человек, люблю смотреть в суть вещей, а не на их форму. Вы понимаете, о чем я говорю?

Я кивнула.

– За это меня многие не любят, – признался Петр. – Возможно, вы меня тоже не полюбите. Но это ладно, я как-нибудь это переживу. И вообще, оставим мою противоречивую персону в покое. Вернемся лучше к Игорю, – полувопросительно посмотрел он на меня.

– Вернемся к Игорю! – одобрительно кивнула я, и Строгачев заговорил, как мне показалось, с облегчением.

Он поудобнее уселся в кресле, сменил положение ног – и заговорил не торопясь, обстоятельно и последовательно:

– Я познакомился с ним год тому назад, через одного моего знакомого, Николая Кремнева. Я тогда был на мели, уволился с одной работы, не мог найти ничего путного. И тут подвернулся он. То есть Игорь Минаев. У него были деньги, он мог их вложить в дело. Потом, он лучше контактит с людьми. Понимаете, у нас много завязано на личных взаимоотношениях во всяких администрациях, а у Игоря это хорошо получалось. Поэтому на нем в нашей небольшой фирме были, так сказать, представительские функции, а на мне – конкретная работа.

Строгачев замолчал, а я решила вернуть его к тому «определению» Минаева, которое он высказал минуту назад.

– Так в чем же именно Минаев мутный?

– Он никому не рассказывал о своей прошлой жизни. Ведь он не из Тарасова, он с Урала. Скорее всего, из Свердловска... То бишь Екатеринбурга. Хотя это опять же только мои предположения. Как я ни пытался выяснить хоть какие-то моменты его биографии, сделать это мне так и не удалось. Знаю только, что работал он каким-то менеджером, а давным-давно закончил или училище культуры, или театральное... точно не скажу. Короче, недоучившийся актер. И мне всегда казалось, что свою жизнь он играет, а не живет. В общем, можно сказать, что дружбы у нас не получилось, мы слишком разные. Но в делах это нам не мешало. До самого

последнего момента...

Я быстро проанализировала сказанное Строгачевым и пришла к выводу, что, несмотря на разницу в характерах в частности и в мировоззрении в целом, мнения наши по поводу некоторых важных аспектов, имеющих отношение к делу, совпадают. Мне и самой Игорь Минаев и его жизнь представлялись такими, как это сейчас описывал Петр. Видимо, Строгачев, несмотря на то, что человеком приятным в общении его нельзя было назвать, действительно весьма наблюдателен и не лишен психологических способностей, к тому же он обладает и неплохой интуицией. В связи с этим я задала ему важный вопрос:

– Вы сказали, что предполагали – дело может кончиться чем-то подобным. То есть исчезновение Минаева, по большому счету, не явилось для вас некой неожиданностью?

Строгачев посмотрел на меня с прищуром и спросил с неодобрением в голосе:

– Вы что, подозреваете меня в причастности к его исчезновению?

Я ответила спокойно и даже с легкой дружелюбной улыбкой:

– По роду своей деятельности я обязана подозревать каждого, кто имеет хоть какое-то отношение к делу, которое я веду.

– Бросьте! – скептически махнул рукой Строгачев. – Вы нацелились именно на меня. И главное, я не понимаю, поче-

му...

Он вперился в меня цепким взглядом, словно пытаюсь просверлить насквозь.

– А вы не заметили, что постоянно говорите о Минаеве в прошедшем времени? – ответила я ему тем же взглядом в упор, стерев все следы улыбки со своего лица и внимательно наблюдая за его мимикой.

– О господи! – процедил он и пробормотал в сторону: – Вот что значит – бабы! Одно слово – бабы!

– Что, простите? – я сделала вид, что не расслышала.

Строгачев повернулся ко мне и вновь поморщился. Скорее всего, он досадовал, что я не понимаю чего-то такого, о чем должна была с легкостью догадаться.

– Да это все на уровне интуиции! Никаких особых реальных оснований подозревать, что с Гошей случится трагедия, у меня не было! Но эта неопределенность с Минаевым – с его жизнью и его странными интересами – и раздражала меня всегда больше всего! Когда имеешь информацию, можно строить прогнозы. С Минаевым прогнозы строить было нельзя! Все вроде нормально, но вечно ждешь подвоха откуда-то из-за спины. Одним словом, если вы хотите – да, я не удивлен! Не удивлен! Но это вовсе не значит, что я знал что-то конкретное! А говорю о нем в прошедшем времени, потому что и события, о которых я рассказываю, уже прошли, прошли, понимаете?! Свершились! Он БЫЛ таким, да! Всегда, сколько я его знаю, он БЫЛ таким – как можно тут ска-

зять по-другому?! Это же чистая стилистика!

Строгачев все заметнее раздражался. Я решила перевести разговор на другую тему и дать ему успокоиться. Проанализировать его дальнейшие слова и поведение.

– Проблемами своей личной жизни Минаев с вами не делился? – спросила я.

– Делился, но весьма фрагментарно, – ответил Петр, и в его глазах я впервые увидела толику живого интереса. – И я так понимаю, что вы хотите намекнуть на то, что Минаев мог смыться от своей Валерии к другой женщине?

«Нет, мне положительно везет на людей, которые легко отслеживают мои довольно-таки банальные рассуждения и, похоже, насмеваются над отсутствием у меня фантазии», – подумала я.

– Ну, допустим. А что, такая версия неправдоподобна?

– Она вполне правдоподобна, – несколько желчным тоном произнес Строгачев. – Особенно если учесть, что собою представляет эта Валерия...

– И что же? – чуть приподняла я удивленно брови. – Лично мне она кажется вполне милой девушкой, очень подходящей такому неординарному человеку, как господин Игорь Минаев!

– Угу, – пробурчал Строгачев, хмыкнув. – Очень подходит! До определенного момента. Не нужно забывать! – он поднял вверх крючковатый указательный палец. – Гоше уже сорок! Сорок! – со значением повторил он, словно ставил се-

рзыйный диагноз, заставляющий больного пересмотреть всю свою дальнейшую жизнь. – Эта игра – для безмозглых сопляков, эти дерганья под идиотскую музыку ему скоро наскучат! Ему надоест изображать из себя могущественного покровителя бессловесной глупышки, надоест утирать ей сопли! Потому что, откровенно вам скажу, несмотря на весь свой, как сейчас модно говорить, имидж крутого мужчины, сильного плеча, взваливающего все проблемы на себя, Игорь не столь уж крут по натуре. Ему это интересно – на уровне игры, а сам он не меньше своей Леры нуждается в том, чтобы его выслушивали, жалели, гладили по головке и утирали нос! Кроме того, он совсем не чужд повседневных бытовых прелестей, как то: съесть домашний вкусный обед и лечь спать на накрахмаленное постельное белье. Собственные его рубашки и носки также должны быть чистыми и благоухающими. А Валерии все это не слишком-то интересно, она избалованная дамочка. Сначала ее пестовали богатые папа с мамой, а теперь вот появился Игорь!

Строгачев выплеснул эту тираду одним махом и перевел дух, поглядывая на меня искоса в ожидании реакции.

– Я плохо знаю Валерию, – не торопясь, проговорила я. – Но она не производит впечатления девушки, которой требуется постоянный носовой платок. По-моему, она вполне самостоятельна и уравновешенна.

– Иллюзия! – махнул рукой Строгачев. – С первого взгляда видно, что она инфантильна! Ни в чем не разбирается!

– Ладно, давайте прекратим этот бесполезный спор, – остановила я его. – То есть вы считаете – Минаев мог понять, что год назад он сделал ошибку, и попросту уйти от Валерии? Это вы имели в виду?

Строгачев пронзил меня взглядом своих коричневых глаз-буравчиков, будто размышляя – действительно ли я так думаю или прикидываюсь?

– Мог бы, – наконец язвительно произнес он. – Однако так, – он сделал акцент на слове «так», – от одной женщины к другой не уходят! А если уходят, то на работе появляются. И деловых партнеров предупреждают, мол, так и так... Я ушел от Маньки к Таньке, а ты, в случае чего, меня от Маньки прикрой. В данном случае ничего такого не было. Просто в понедельник был человек на месте, а во вторник его не стало... В смысле, на работе не стало, – поправился Петр, покосившись на меня, словно я сейчас же поймаю его на слове. – Короче, не знаю я, что с Игорем! И я был бы очень рад сказать, что и знать-то не хочу... Но так я сказать, к сожалению, не могу, потому что без Минаева мне дальше работать, мягко говоря, будет весьма затруднительно.

Разговор со Строгачевым никуда меня, в общем-то, не продвинул. Хотя я уже с большей определенностью склонялась к мысли, что Минаев исчез, скорее всего, по своей воле, и мне оставалось выяснить причины этого его поступка. Скорее всего, крылись они в той его, прежней жизни, которую он столь тщательно скрывал и от Валерии, и от своего

делового партнера, и вообще от всех. Однако, по словам Валерии, имелся один человек, которому, возможно, Игорь доверял больше всего, и этого человека звали Андрей Рубальский. Его мы и собирались навестить сегодня вечером. После беседы со Строгачевым я связалась по телефону с Валерией, коротко сообщила, что ничего нового пока что не выяснила, и напомнила, что зайду за ней в половине восьмого.

Глава 3

Наступило назначенное время, и мы направились в клуб July Morning. По дороге Валерия устроила для меня небольшой ликбез. Название клуба, в русском варианте звучавшее как «Июльское утро», было позаимствовано из весьма популярной в семидесятые годы прошлого века в России песни британской группы Uriah Heep. Этим названием владельцы заведения позиционировали себя как клуб и кафе, ориентированное на традиционные блюз и рок. Хотя, как утверждала Валерия, выступают там коллективы совершенно разных направлений, в том числе и идеологически близкого ей и Игорю Минаеву готик-рока. Более того, оказалось, что недавно «Июльское утро» почтила своим присутствием какая-то культовая финская команда, название которой я тут же забыла. Зато мне показалось отчасти символичным то, что посещаем мы «Июльское утро» в морозно-снежный январский вечер.

– Вход стоит двести рублей, а потом заказываешь там себе что хочешь уже на свои деньги, – предупредила Валерия. – Но я прихватила с собой нужную сумму. На вечер должно хватить нам обеим.

– Хорошо, я поняла... А этот Андрей Рубальский, говоришь, только что вернулся из Швеции?

– Да, у него группа, играющая инди-рок.

– А это что такое?

Валерия улыбнулась и пояснила:

– Ну, это любовь-морковь, слюни разные, только не в поповом ключе, а в эдаком альтернативном, с позиций хиппи. Ориентируется на не нашедшую себя в жизни молодежь. Вообще-то сам по себе Рубальский – интересный человек, – с некоторой симпатией высказалась Валерия. – Истерик, правда, еще тот и капризуля. Порою достает.

Я мысленно отметила, что примерно так охарактеризовал саму Валерию и Петр Строгачев, но не стала говорить ей об этом. К тому же Строгачев, кажется, ко всем представительницам слабого пола относился свысока, с явным предубеждением.

Валерия заметно оживилась, когда речь зашла о музыке. Да и место это, видимо, для нее было довольно-таки значимым, поскольку она, по ее словам, много раз бывала здесь с Игорем. Что ж, посмотрим на Рубальского! Я не посещала рок-концерты уже давно, и для меня в какой-то мере было любопытно, насколько же со времен моей юности это изменилось? Да и изменилось ли вообще?

К некоторому своему удивлению, я увидела у входа в клуб группу людей отнюдь не юного возраста. Это были скорее великовозрастные неформалы, одетые в модные для этой среды черные куртки со множеством металлических украшений. Один из сорокалетних меломанов был лысым, у другого, напротив, была роскошная, но сто лет не чесанная шевелюра.

люра.

– Девушки, вы на концерт? – обратился к нам волосатый.

– Да, а что, нет билетов? – поинтересовалась Валерия.

– Билеты есть, и их много. А вот таких девушек, как вы, – совсем не много, – решился на комплимент лысый.

Мы с Валерией не стали продолжать беседу с ними и провоцировать мужчин на дальнейшее знакомство. У нас были совсем другие цели. Мы осторожно спустились по обледеневшей лестнице – клуб располагался в полуподвале. Открыв массивную железную дверь, мы оказались в очень тесном предбаннике, справа от которого был гардероб. Дежурившая там девушка выдала нам два билета на концерт, который должен был состояться в зале, находившемся слева от гардероба. Однако залом это можно было бы назвать, если бы там стояло, скажем, стола три-четыре. Однако столиков там имелось целых двенадцать. Между столами и совсем маленькой сценой, на которой должны были играть музыканты, был узенький проход. Иными словами, в July Morning царилла весьма камерная, свойская атмосфера.

Нам достался столик, стоявший далеко от сцены, зато очень близко к бару. Рядом с нами сели еще две девушки. Одна, со стильной короткой прической, держалась немного зажато и довольно-таки напряженно смотрела на сцену. Там пока что ничего не происходило, но вскоре должны были прийти музыканты. Другая, выше и крупнее подруги, была одета в вычурное вечернее платье. Лицо ее покрывал обиль-

ный слой косметики. Остальные посетители выглядели либо как настоящие неформалы – свитерки, джинсы и кроссовки, – либо как солидные люди среднего возраста – пиджаки у мужчин и строгие костюмы и платья у женщин, но без излишеств. С двух больших мониторов на стенах, висевших прямо перед нами, транслировали какой-то концерт классического рока семидесятых годов. Когда очередная песня закончилась, я прочитала бегущую строку о том, что «только что отыграл свой номер Эрик Клэптон». Было шумно, и разговаривать нам с Лерой пришлось, повысив голос. К нам подошла девушка из бара и подала меню.

– Будешь что-нибудь? – спросила меня Валерия.

– Разве что бутылку минералки, – ответила я.

Наши девушки-соседки взяли себе салат с характерным названием «Хард-рок», два больших бокала пива и картофель-фри.

Перед нашим походом на концерт Валерия предупредила меня, что поговорить с Рубальским мы сможем только по окончании выступления группы. До этого волновать музыкантов всякими «экстраординарностями» не полагалось. Я предложила подъехать к клубу ко времени окончания концерта, но Валерия сказала, что нас могут не пропустить внутрь, а отъезд музыкантов сопряжен со всякого рода суетой типа погрузки инструментов, и это неудобно для серьезного разговора. Короче говоря, пришлось все же согласиться на посещение концерта, хотя особого желания у меня не

было. Зато, похоже, Валерия, которая была тут завсегдатаем, радовалась возможности отвлечься от мрачных мыслей по поводу исчезновения Игоря.

– Лера, здесь есть люди, которые знают Игоря? – спросила я.

– Есть, – ответила Валерия. – Но они вряд ли могут помочь нам. Они не такие уж близкие его друзья. Скорее приятели. Нам нужно поговорить именно с Рубальским.

Тем временем на сцене появился длинноволосый мужчина в потертых джинсах и свитере. Как я поняла, это был оператор, который должен был стоять за пультом и следить за звуком в зале. Я посмотрела на часы – было уже пятнадцать минут девятого, давно пора было начинать. Наконец из бокового помещения появились четыре человека. Первым шел абсолютно лысый мужчина в темных очках, ярко-красной рубашке и блестящих серебристых штанах. Довольно высокий, худой как жердь, он производил несколько нескладное и даже где-то нервное впечатление.

– Это Рубальский! – прокричала мне в ухо Валерия, поскольку музыка загрохотала вовсю.

За Рубальским шествовал с гитарой в обнимку крупный, довольно-таки симпатичный мужчина в бандане и цветастой рубашке, на шее у него болтались бусы, а на руках – многочисленные деревянные «фенечки». Третий участник творческого коллектива, бас-гитарист, представлял собою добродушного увальня, одетого совсем по-летнему – в шорты и

майку, а замыкал шествие брутальный мрачный бородач во всем черном. На голове у него, как и у гитариста, была повязана бандана. Всем членам группы было на вид где-то лет по тридцать пять. Тем временем музыка в зале стихла, Рубальский встал за клавишный инструмент и поприветствовал народ. Группа называлась Modern Dreamers, что означало – «Современные мечтатели».

Творчество «Мечтателей» оставило у меня противоречивое впечатление. Весьма мелодичные и приятные песни о любви сменялись жесткими, почти «металлическими» композициями, и я не знала, куда деваться от адского шума, лвиную долю которого создавал неистово молотивший по барабанам и тарелкам мрачный тип в бандане. Но подлинной кульминацией концерта стало исполнение очередной композиции, которая называлась «Нелюбовь к себе» и которую Рубальский объявил, истошно завопив в микрофон. Две фанатки за нашим столиком звонко зааплодировали и закричали: «Вау!» Композиция состояла из звуковых контрастов: солист то убаюкивал слушателя, почти шепотом выпевая некие невнятные слова, то «взрываясь» и крича фальцетом. Песни свои «Мечтатели» исполняли попеременно на русском и английском языках. Инструментальное сопровождение конкретно этой вещи было весьма хаотическим. Наконец она закончилась, и одна из девушек – та, что пришла в вечернем платье, – соорудила из ладоней рупор и закричала: «Дри-мерс», вы супер!» Бурно хлопали только что прибывшим из

Швеции музыкантам и неформалы за соседним столиком. Что же касается людей среднего возраста, контингент, сидевший в противоположной от нас стороне зала, то они реагировали более сдержанно, зато, в отличие от неформалов, сильно налегали на еду и выпивку. Для неформалов, видимо, цены в «Июльском утре» оказались изрядно завышенными.

Рубальский обратил внимание на наш столик в перерыве. Он обнялся со своими, видимо самыми преданными, фанатками – нашими соседками, а потом приобнял Валерию и о чем-то спросил, наклонившись к ее уху. Та махнула рукой. Рубальский с понимающим видом кивнул, бросил заинтересованный взгляд на меня и пошел в гримерку.

– Он спросил у меня, где Игорь, – сообщила мне Лера. – Я пообещала, что мы с тобой подойдем к нему после концерта.

Концерт закончился примерно около одиннадцати часов вечера. В конце «Мечтатели» исполнили свои танцевальные композиции, перемежаемые кавер-версиями западных песен. В этой части концерта угостившиеся алкоголем зрители вышли в центр зала на тесный танцпол. Под одну из композиций две девушки – судя по их схожести друг с другом, сестры, – исполнили танец с выходом. Словом, публика под конец развеселилась и начала требовать композиции на бис. Рубальский, правда, уже устал, и последние песни пел бас-гитарист, а Андрей ограничивался функциями клавишника. Как только музыканты покинули сцену, вновь включились мониторы, и народ стали развлекать видеозаписями

прошлых лет, на сей раз – концертом «Дип Перпл», состоявшимся в Японии. Меня это совершенно не интересовало, и я тихонько дернула Валерию за рукав, кивнув в сторону прохода, в котором скрылись музыканты. Она сразу все поняла, быстро поднялась из-за столика, и мы направились туда.

Мы с Валерией протиснулись в боковую дверь, за которой находилась гримерка. Впрочем, это было слишком громкое название для маленькой каморки, которая к тому же почему-то была наполовину забита стульями, наваленными друг на друга. Зато на столике стояла бутылка коньяка, из которой – прямо из горла – вальяжно прихлебывал Рубальский, закусывая дольками лимона.

– Проходите, проходите, – замахал он нам руками.

В это же время происходило активное освобождение гитариста от отягощавших его многочисленных реквизитов: бус, клипсов и браслетов. В процессе принимала участие симпатичная блондинка – видимо, его подруга.

– Лера, так где же Гоша-то? – спросил Рубальский. – Кстати, меня зовут Андрей, – обратился он уже ко мне.

– Татьяна, – ответила я.

– Очень приятно! Вы, по-моему, в первый раз на нашем концерте?

– Да, – вздохнув, сказала я, не уточняя, что, скорее всего, и последний. Разве что обстоятельства дела не потребуют иного. – И пришла я по приглашению Валерии, но... скажем так, не только и не столько для того, чтобы познакомиться с

вашим творчеством.

Рубальский насторожился. Он даже перестал жевать лимон, а потом совершил какое-то неопределенное движение бровями, которые, как я успела заметить, были у него густыми и вполне могли бы конкурировать со знаменитыми брежневскими. Это очень выразительно контрастировало с его абсолютно гладким, матово светившимся лысым черепом.

– Андрюша, дело в том, что Игорь пропал. Его нет уже пять дней, – каким-то жалобным, не свойственным ей тоном произнесла Валерия.

– Как пропал?! Куда пропал? Когда? – очень быстро начал нас забрасывать вопросами Рубальский, переводя взгляд с меня на Валерию и обратно.

– Дрюнь, его нет уже пять дней! – На глазах у Валерии появились слезы.

Рубальский привстал с места и обнял ее. Она уткнулась певцу в плечо и расплакалась. Эта сцена привлекла внимание гитариста и других членов группы, которые разговаривали о чем-то своем. Мрачный барабанщик поинтересовался – может ли он чем-то помочь? Рубальский решительно махнул рукой, что означало – не вмешивайтесь! После этого «Мечтатели» как-то быстро ретировались из гримерки, оставив нас троих. Валерия немного успокоилась и наконец объяснила артисту причины моего появления здесь:

– Татьяна – частный детектив. Она ищет Игоря!

Рубальский снова приложился к бутылке коньяка. Вытер

губы, поставил бутылку на стол и полез в карман за сигаретами. Густые брови сошлись в одну сплошную линию, в глазах появилось какое-то неопределенное выражение.

– Андрей, вы – самый близкий друг Игоря, поэтому именно к вам у меня имеются важные вопросы, – серьезным тоном начала я.

– Ну... Спрашивайте, конечно, только... Только я ничего не знаю, я неделю в Швеции был, только сегодня прилетел. Черт! – вдруг занервничал он. – Ну куда они девались-то?!

После лихорадочного и безрезультатного обшаривания карманов своего пиджака на предмет курева Рубальский порывисто бросился в коридор, стрельнул сигарету у одного из гитаристов и вернулся в гримерку. Непослушными руками он вынул зажигалку, прикурил и нервно затаился. Пальцы его при этом подрагивали.

– Ну, я не знаю чем вам помочь, – сообщил он, стараясь почему-то не глядеть мне в глаза. – Что случилось-то? – пристально взглянув на Валерию, спросил он.

Та пожала плечами и сказала:

– Мы как раз хотели спросить у тебя, может, ты что-то знаешь?

– А что я знаю?! Да вы расскажите мне, в конце концов, что произошло? – начал распалываться Рубальский. – Уехал в неизвестном направлении? Не оставил записки?

– Не оставил, – подтвердила Валерия.

– Ну, я не знаю... Вряд ли он поехал обратно к себе в

Екатеринбург.

– Так все-таки он из Екатеринбурга? – зацепилась я за этот, похоже, окончательно прояснившийся момент биографии Минаева.

– Оттуда, оттуда, – подтвердил Рубальский. – Я тоже там жил в детстве, с Гошей вместе в школу ходил. Потом я сюда переехал. А Игорь сменил место жительства всего полтора года назад. Позвонил мне оттуда, сказал, что хочет переехать. Попросил обустроить его на первых порах. Ну, это же ты знаешь, – обратился он к Валерии. – Рассказала, наверное, уже...

– Андрей, я предлагаю вам сейчас поехать к Валерии, – решительно прервала его я. – Ну, или ко мне. Территориально это практически одно и то же, потому что мы живем в одном подъезде. И там спокойно поговорим. Дело все же серьезное, мне нужна информация об Игоре, чтобы продуктивно работать.

Рубальский помялся, посмотрел на бутылку коньяка, потом на Валерию, потом на меня и... снова на бутылку. Бормоча себе под нос что-то типа: «Вот не хочешь пить, а жизнь заставляет!» – он сделал три больших глотка и завернул на бутылке пробку. Две толстые увесистые дольки лимона исчезли во рту солиста «Мечтателей» в следующую же секунду, причем ни единый мускул на его лице от этой кислятины даже не дрогнул.

– Ну ладно, поехали... – тяжело выдохнув, сказал он. – Эх,

Гоша, Гоша! Вот только этого не хватало! Вот только этого мне сейчас и не хватало!

Эмоциональное настроение Андрея совершило, видимо, очередной кульбит, и он со злостью почти что швырнул бутылку на стол. Мы с Валерией переглянулись. Меня, впрочем, подобное поведение не слишком-то удивило – артистические натуры зачастую весьма склонны к подобным бурным реакциям. С другой стороны, мне показалось, что Рубальский отреагировал на известие об исчезновении Минаева как-то слишком уж нервно. Или он вообще всегда такой? Надо бы выяснить этот момент у Валерии, а пока – понаблюдать за ним повнимательнее. В этот момент в примерку заглянул один из гитаристов.

– У вас здесь все нормально? – спросил он.

– Дима, я уезжаю прямо сейчас, – не ответив на вопрос, бросил Рубальский. – Гонорар возьмите, потом рассчитаемся. Клавиши тоже сверни, положи к себе в машину. Тут у меня нарисовалось совсем другое продолжение вечера.

– То есть тебя увозят дамы, – с двусмысленной улыбкой протянул гитарист, прямо намекая на нас.

– Да уж, увозят, – неопределенно отвечив Андрей.

И когда гитарист вышел в коридор, он нервно, как бы себе под нос, закончил фразу: «Если бы вот только за тем, о чем ты подумал! А то ведь...» Рубальский оделся и, сохраняя на лице недовольное, раздосадованное выражение, пошел через зал клуба «Июльское утро» к выходу. Мы последо-

вали за ним. Уже в гардеробе нас, что называется, перехватили фанатки, сидевшие за нашим столом. Они забросали Рубальского вопросами о гастрольях, о текстах его новых песен и о прочих, очень интересных для них вещах. Андрей еще раз поблагодарил их за поддержку и пообещал «списаться в контакте». Как мне показалось, девушки весьма ревниво посмотрели на нас с Валерией, когда мы выходили все вместе из дверей. А когда дверь закрылась, из-за нее послышалось приглушенное скандирование: «Дри-мерс» – луч-ши-е!»

По дороге Рубальский все больше молчал, прихлебывая коньяк из прихваченной им из гримерки бутылки. «Как бы он не налился раньше времени, – подумала я, искоса глядя на него в зеркальце с водительского места. – Мне это сейчас совершенно не нужно!» Однако я не настолько хорошо его знала, чтобы решительно выдергивать бутылку из рук музыканта. К тому же – может быть, это вполне нормальная для него доза? Нередко встречаются люди, на вид довольно-таки субтильной комплекции, способные влить в себя большую дозу алкоголя и не опьянеть, в отличие от многих здоровяков, которых с трех рюмок может банально развезти...

– Слушай, Лера, а вообще-то мне показалось, что Гоша в последнее время стал более готичен, – уже не очень твердым голосом вдруг проговорил рокер. – Может, он решил поехать в какие-нибудь очень ...э-э... аномальные места и решил тебя туда не брать? Потому что там, например, опасно...

– А что, он что-нибудь говорил об этом? – встрепенулась

Валерия.

– Не так чтобы что-то конкретное, – оттопырил губу Рубальский. – Но перед Швецией он мне все втохивал идею о том, что я там должен посетить одно место, какие-то могилы ведем XVII века... Я, естественно, туда не поехал, потому что готика – не моя тема. Да и времени на это не было. Концерты, отели, то-се... По Стокгольму прогулялись недолго, и все. К тому же там жуткая холодина и темно уже в три часа дня.

– Ну а при чем тут могилы и его исчезновение? – спросила я.

– Понятия не имею, – отозвался Рубальский. – Но мало ли что... Я же не знаю, куда он делся, поэтому и строю версии в меру своего интеллекта и степени трезвости. А вы почему-то на меня смотрите так, будто я где-то прячу Игоря, и вообще, во всем виноват, – в голосе рок-музыканта появились демонстративно обиженные, капризные нотки.

– Дрюнь, да никто тебя не обвиняет! – развернулась к певцу с пассажирского сиденья Валерия. – Просто пойми: мы же хватаемся за любую соломинку!

– Ну а я-то тут при чем? – не мог успокоиться Рубальский, возясь на заднем сиденье. – Как я в данном случае могу выступать соломинкой?

– Ну, мне показалось, что Игорь всегда был с тобой откровенен, что вы очень доверяли друг другу, – попыталась объяснить Валерия.

– Доверяли! Да уж... – усмехнулся с какой-то горечью Рубальский и покачал лысой головой. – Ээ-х!

Он сделал еще пару глотков и с унылым видом уставился в окно «Ситроена». Валерия продолжала что-то лепетать над его ухом, убеждая Дрюню, что мы обратились к нему просто как к лучшему другу Игоря, не более того, но музыкант, казалось, совсем не слушал девушку. Он выглядел полностью погружившимся в собственные мысли, и были они, по всей видимости, крайне невеселыми. Я пока что не могла определить причины этого. Возможно, переживания Рубальского и не имеют никакого отношения к исчезновению Минаева, просто наслоилося одно на другое и он огорчен таким поворотом событий. Однако меня не покидала мысль, что исчезновение друга имеет-таки к проблемам Дрюни прямое отношение. Не в том плане, что это Рубальский позаботился о том, чтобы я сейчас, как Савраска, гоняла туда-сюда, разыскивая Минаева, а просто его это сильно встревожило. Он постоянно вертелся на месте, бормотал что-то себе под нос, выглядывая в окно, пытаясь определить, сколько нам еще осталось ехать, несколько раз доставал свой сотовый телефон, словно порываясь кому-то позвонить, но всякий раз убирал его на место, не сделав звонка. Под конец пути он немного успокоился и уткнулся в окно с крайне унылым видом.

Мы поднялись на лифте до моего этажа и остановились возле дверей моей квартиры. Рубальский несколько удив-

ленно покрутил головой, хотел было что-то спросить – скорее всего, уточнить вопрос о нашем соседстве с Валерией, но, кажется, опьянение, которое нервный стресс всего лишь отодвинул, теперь стало его накрывать, и он уже довольно-таки равнодушно реагировал на все происходящее. Я отметила, что он даже на ногах держится не слишком твердо, и подосадовала, что беседа наша может пройти не так плодотворно, как я рассчитывала. К тому же мне совершенно не хотелось предоставлять свою квартиру в качестве временного ночлега не рассчитавшего свои силы музыканта. «Все-таки народ творческий очень хлипкий», – вздохнула я про себя и направилась в кухню варить кофе, дабы таким способом немного привести Рубальского в чувство и провести хотя бы предварительную беседу. Музыкант, оказавшись моей квартире и кое-как разувшись, тут же плюхнулся на диван в комнате и замер неподвижно. Валерия потопталась на месте и прошла за мной в кухню, предложив свою помощь, от которой я отказалась – я не собиралась готовить никаких разносолов, решив в качестве угощения ограничиться лишь кофе, который и сама умею варить отменно.

Через десять минут я поставила кофейник на журнальный столик перед диваном, разлила благоухающий кофе по чашкам и кивком пригласила присутствующих присоединиться. Рубальский, разомлев от квартирному теплу, выпитого коньяка и кофе, уже полулежал на диване, и я почти смирилась с мыслью, что придется его оставить ночевать у себя.

– Лера, помнишь, я тебе когда-то говорил, чтобы ты была осторожной с Игорем? – заплетающимся языком спросил Дрюня и, не получив ответа, продолжил: – Ты же помнишь, я говорил тогда про Кастанеду, про его идею о стирании личной истории. Еще раз повторяю для непонятливых: «Стирание»! Это просто кнопка «delete» на компьютере. Нажал ее, потом F8, потом Enter, и все. Файла по имени Игорььминаев.ехе больше не существует. Вот такая петрушка может быть! Хотя, наверное, я неясно изъясняюсь. Ну, это понятно, я выпил много коньяка... В трезвом виде я бы до этого не додумался! Я все же думаю, что метафора достаточно понятна. Лерочка, ну вы же вместе свернулись на своей этой философии неизбежного трагизма, борьбы с судьбой и всего такого прочего! А теперь ты удивляешься странностям в его поведении. Кстати, когда я приезжал в Ебург лет пять назад, Гоша был вполне адекватным человеком, он еще не читал Кастанеду и не слушал «Лакримозу».

– Кстати, Андрей, а чем он там тогда занимался? – сразу же спросила я, прерывая этот пьяненький философский полубред-полузаумь.

– А хрен его знает, чем он занимался, – поморщился Рубальский, моментально в корне меняя стилистику и переходя с высокого штиля на простонародный, низкий слог. – Работал где-то, в какой-то замшелой конторе, среди такого же персонала, не вполне по своей специальности. Я ему сколько раз говорил: найди себе работу по душе! Не по деньгам, а по

душе! Хотя... Это мне так хорошо говорить, у меня вроде с этим все сложилось. Да и то, не сказать, что я живу слишком хорошо. Так, средненько весьма... По сравнению с теми же шведами. Но вся штука еще и в том, что тут у нас все настолько сошли с ума и одни так сильно гнобят других и просто ногами пинают принципы гуманизма и социальной справедливости... Ах, это тема для дискуссий с другими людьми, а не с вами. Но... Милые мои девушки!

Андрей совершил героическую попытку принять сидячее положение, но желание избежать малейшего дискомфорта оказалось сильнее, и он вновь безвольно опустил голову на подушку.

– Вы извините, но я продолжу, – заговорил он. – Итак, милые девушки! Я ничего не могу добавить к тому, что уже сказал. Ни о каких проблемах Игоря в реальной жизни, – которая, как ты, Лерочка, знаешь, мне совершенно неинтересна, – Игорь мне не поведал. Я допускаю, что у него могло быть что-то не в порядке с тобой, допускаю, что он мог заинтересоваться даже – о боже праведный! – другой женщиной, а также попасть в неприятную историю из-за своего бизнеса... Опять же, Татьяна, – он повернул ко мне голову, – именно это, скорее всего, вас и интересует... И вот – ничего по этому поводу я вам сказать не могу. Мы разговаривали о вещах, которые, должно быть, очень далеки от вас. Да и Валерии они не очень-то интересны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.